

УДК 130.2 - 101.1.316

А. И. Акберген

Факультет философии и политологии,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: 87_ablai_87@mail.ru

Понимание богатства и труда как социальных ценностей современного общества

Статья посвящена анализу феномена богатства как социальной ценности. Богатство в современном обществе не просто существование определенного количества денег или благ. Богатство стало ценностью. Его пропагандируют посредством медиа. И если раньше стремление к богатству не поощрялось, то теперь оно стало одним из ведущих ориентиров для людей. Наравне с этим изменилось ценностное отношение к труду. С одной стороны, труд является источником дохода, а также важным регулятором душевного равновесия. С другой стороны, значимость классического труда обесценилась из-за бурного развития технологий и усиления роли образования. Под классическим трудом понимается ручной труд на реальном производстве. Но для сегодняшнего общества важно увеличение представителей среднего класса, то есть людей образованных. Представители среднего класса не заняты в сфере ручного труда. Именно поэтому высока роль профессионализма в современном обществе. Из-за усиления роли ценности богатства и трансформации труда в современном обществе все труднее становится достичь социальной справедливости.

Ключевые слова: социальная ценность, богатство, труд, социальное равенство, профессионализм, риск.

A. I. Akbergen

Understanding the wealth and work as a social values of modern society

This article analyzes the phenomenon of wealth as a social value. Wealth in modern society is not just the existence of a certain amount of money or goods. Wealth has become valuable. It promoted through the media. And if before the pursuit of wealth was not encouraged, but now it has become one of the leading reference for people. Equally it changed value attitude to work. On the one hand, labor is the source of income, as well as an important regulator of mental equilibrium. On the other hand, the importances of the classic work has depreciated due to the rapid development of technology and strengthen the role of education. Under the classic work meant manual labor on actual production. But in today's society it is important to increase the middle class, that is, educated people. The middle class is not engaged in manual labor. That is why the role of high professionalism in modern society. Therefore, due to the increasing role of the value of wealth and the transformation of labor in modern society is increasingly difficult to achieve social justice.

Key words: social value, wealth, work, social equality, professionalism, risk.

А.И. Акберген

Байлық пен еңбекті қазіргі заманғы қоғамның әлеуметтік құндылықтары ретінде түсіну

Мақала байлық феноменін әлеуметтік құндылық ретінде түсіндіруге арналған. Қазіргі замандағы қоғамда байлық деген тек белгілі бір ақша мөлшері немесе игіліктің болуы емес. Байлық құндылыққа айналды. Оны медиа арқылы насихаттайды. Егер де бұрын байлыққа ұмтылу мадақталмаса, енді

ол адамдар үшін жетекші бағыт-бағдардың бірі болды. Сонымен қатар еңбекке деген құндылықты көзқарас та өзгерді. Бір жағынан, еңбек табыс көзі, сондай-ақ көңіл-күйдің маңызды реттеушісі болып табылады. Екінші жағынан, классикалық еңбектің маңыздылығы технологиялардың қарқынды дамуы мен білім рөлінің күшейтілуінен құнсызданды. Классикалық еңбек деп нақты бір өндірістегі қол еңбекті түсінеді. Бірақ бүгінгі таңдағы қоғам үшін орта қатар өкілдерінің, яғни білімді адамдардың артуы маңызды. Орта таптар өкілдері қол еңбегі саласында жұмыс жасайды. Дәл сондықтан қазіргі заман қоғамында кәсібиліктің рөлі өте жоғары. Сондықтан да байлықтың құндылығы рөлінің күшеюінен және қазіргі заманғы қоғамдағы еңбек трансформациясы себебінен әлеуметтік әділдікке қол жеткізу барған сайын қиындап барады.

Түйін сөздер: әлеуметтік құндылық, байлық, әлеуметтік теңдік, кәсібилік, тәуекел.

Несколько вступительных слов

В большинстве своем ценности мы можем охарактеризовать как социальные, то есть они несут общественный характер. Речь, конечно, не идет об обязательном их принятии и следованию им, они не являются социальными нормами, предписаниями, но они социальны в силу своего генезиса – они продукт определенного общества, сформировавшегося в определенных социально-культурных условиях. Современные исследователи насчитывают десятки, если не больше, социальных ценностей [1], [2], [3], относя к ним «желаемое», то к чему стремятся массы, примером тому может послужить стремление казахстанцев (хотя и не только их) собственное (а в контексте американского общества желательно частное) жилье. Рассмотрим поподробнее некоторые из них.

1. Богатство желаннее всего

Богатство можно назвать одной из социальных ценностей, как полагают некоторые исследователи, или вернее сказать, стремление к достатку, роскоши. Весьма емкий анализ данной ценности современного общества дан в книге Элвина и Хейди Тоффлер «Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь». С одной стороны, подобное желание кажется естественным, и статистические данные свидетельствуют о радикальном росте материального состояния, то заметном улучшении. Вот какие примеры приводят Тоффлеры: по сравнению с 50-ми годами ушедшего века сейчас семьдесят процентов американцев имеют собственное жилье (в сравнении с 55 процентами), а на приобретение продовольствия уходит теперь вдвое меньше. Но сейчас наблюдается тот момент, когда богатство как ценность, цель если не ушло из системы ценностей общества, то уже теснимо другими ценностями. «Если вниматель-

но прислушаться к тому, о чем сегодня говорят между собой рядовые американцы, то услышишь, что они без конца жалуются на растущую диспропорцию в доходах, транспортную загруженность, дефицит времени, зависающие компьютеры и прерываемые разговоры по сотовому телефону. Если послушать подольше, вырисовывается определенный паттерн. Мы услышим постоянные жалобы на увеличивающуюся неэффективность, алчность, коррупцию, бездействие или тупость, с которыми люди сталкиваются в образовательных учреждениях, офисах, больницах, СМИ, аэропортах, полицейских участках и у кабин для голосования, то есть практически во всех своих повседневных контактах с находящимися на грани развала учреждениями. Эмоциональный накал этих сетований усиливается, когда речь заходит о нравственных и прочих ценностях. В частных беседах и в политических дискуссиях все громче звучат возгласы о смерти семейных ценностей, моральных ценностей, традиционных ценностей, религиозных ценностей, о разрушении личной и корпоративной этики» [4, с.346].

Тоффлер связывает крах ценностей вчерашнего дня с крахом институций, учреждений общества. Нельзя сказать или просто констатировать, что определенные ценности устарели, а теперь новые пришли им на замену, и все прежние социальные институты (семья, армия и т.д.) останутся прежними. Ценности потому и меняются, что идет бурная трансформация самих материальных оснований функционирования общества – экономики, бизнеса, производства, а также и вышеупомянутых институтов социума. К примеру, сегодня все больше обесценивается ручной физический труд, а роль бренда, его ценность, реклама, виртуальных финансовых операций все возрастает.

Если же рассмотреть историю отношения

к богатству как ценности, то богатство порой рассматривалось не как социальная ценность, а антиценность. Аристотель считал противоестественным добиться большего благополучия, чем просто достаточного для удовлетворения обычных потребностей. Подобного мнения придерживались анархисты и социалисты в XIX веке; существует расхожая и знакомая многим фраза, приписываемая Прудону, гласящая, что «собственность – это кража». Есть несколько пояснений к богатству. Во-первых, сложно определить, что есть богатство; для одного богатство, если ему дали прибавку к жалованью, другой так не считает; богатство каждый человек и каждое общество понимает по своему, исходя из конкретных реалий экономической ситуации в регионе. Для стран третьего мира просто наличие крова и еды считается пределом мечтаний, когда для жителей более развитых стран постоянное обновление материального окружения (гаджеты, одежда, интерьер) считается просто самым собой разумеющимся ходом жизни. Именно поэтому богатство и есть ценность не в том смысле, что оно «ценно» или «дорого», а потому, что оно оценивается. Во-вторых, богатство зачастую «облачено» не в деньги и не в драгоценные металлы; при крушении экономики, наступлении экономического кризиса, войны желаемая зарплата в долларах превратится в кучу тряпочек (при производстве долларов ни одно дерево не пострадало – они, как и многие купюры на сегодняшний день, изготавливаются из хлопка). И драгоценные металлы и камни могут потерять свою ликвидность – если рухнет вся экономическая система, ценнее ювелирных украшений станут обычные товары из хозяйственного магазина. Деньги лишь один из видов выражения богатства. Если поразмыслить идеалистически, то здоровье и семья и есть главные виды богатства, или, по крайней, те вещи, во имя чего и кладутся все усилия при зарабатывании денег. Природа же богатства, по мнению Тоффлера – в желании. А богатство и есть та субстанция, которая удовлетворяет желание. «Богатство можно определить как любую форму собственности, частной или коллективной, которая обладает таким качеством, которое экономисты определяют как польза; богатство гарантирует нам ту или иную форму благополучия и может быть превращено в другую форму богатства, если первой это не удается» [4, с.29-30]. Индийская традиция в философии трактует желание как грех, как источ-

ник несчастий, проповедует аскетизм, и именно поэтому большая часть населения Индии существовала в условиях тотальной нищеты. Примерно так к желаниям и богатству относились и в христианстве. Но с тех пор, как зародился протестантизм, отношение к богатству изменилось. Стремление к богатству и обладание им перестало быть греховным, наоборот, оно стало рассматриваться как закономерное и логическое воздаяние Бога за упорный труд, к которому и призывает протестантизм. И богатство теперь является ценностью не только для Америки или Англии. В форме пресловутой «американской мечты» оно пропагандируется через рекламу, «вечный двигатель» желаний, за счет рекламы у людей все больше появляется желаний. «В 1970-е годы в Азии Дэн Сяопин, иссохший, несговорчивый старый китайский коммунист, говорил: «Стать богатым – это прекрасно!» Тем самым он дал волю подавленным желаниям пятой части человечества и вырвал Китай из состояния многовековой нищеты» [4, с.30]. По всему миру реклама не только предлагает товары, но и предлагает вкладывать средства во всевозможные финансовые организации (биржи, пирамиды). Миллиарды долларов тратятся на агитацию одной из весомых ценностей современного общества – богатства. Наша страна совсем недавно вместе с Россией пережила всплеск деятельности финансовой пирамиды, имевшей место в 90-е годы ушедшего века. Идет новая волна, виртуального богатства – богатства будущего, о котором пишут Тоффлеры. Примером тому могут послужить мощные корпорации, предлагающие зарабатывать посредством сети Интернет. Но реклама зачастую лишь культивирует богатство как ценность и самоцель, реальное положение вещей отличается от того, что обещано в СМИ. «Очевидно, что только разжигая желания или провоцируя алчность (которая отличается и от богатства, и от желания), никого нельзя сделать богатым. Общества, культивирующие желания, стремящиеся к богатству, не всегда его добиваются. С другой стороны, общества, пропагандирующие бедность как добродетель, обычно и получают то, что пропагандируют» [4, с.31].

2. Трансформация труда

Несмотря на то, что прежняя трудовая этика умирает, и доля занятого населения в физически тяжелом труде уменьшается (в силу все большей технологизации жизни общества), труд является

одной из важнейших ценностей современного общества. В работе Поляковой Н., посвященной исследованию изменению общественного отношения к труду, подробно рассмотрена ценность труда сквозь призму сопутствующей социальной антиценности как безработица. Страх перед безработицей знаком многим членам казахстанского общества, это чувство страха велико, несмотря на ушедшие «шоковые» года. Ученые выделяют в первую очередь социально-психологические последствия безработицы, они несут более деструктивный характер, нежели непосредственно экономические последствия. После потери работы человек не успевает понять все того, что с ним произошло. Полякова выделяет четыре фазы, этапа последствий безработицы. Первая фаза характеризуется дезориентацией самого человека, он неспособен более строить какие-то планы, строить график каких-либо событий, он не до конца осознает, что он потерял работу. Во время второй фазы у человека вырабатывается стойкое негативное отношение к утерянному месту работы, человек начинает потихоньку планировать свою дальнейшую жизнь, появляется чувство оптимизма. Статус безработного рассматривается как временный. Третья фаза характеризуется паническими настроениями, человек не находит себе места, действия его хаотичны. Этот период, в отличие от предыдущих этапов, длится не дни и недели, а месяцы. Человек начинает сожалеть об утраченном месте, начинает усваивать идентичность безработного человека – на смену идентичности человека трудящегося, который посредством своей профессии, места работы идентифицировал себя в обществе. В этот период заканчиваются финансовые накопления (если они были), он начинает злоупотреблять алкоголем, запускает внешний вид, жилище. Идет отчуждение от прежнего круга общения. Крайняя фаза характеризуется ростом социальной аномии, наступает астенический синдром. «Четвертая фаза – фаза институционализированной безработицы – характеризуется соответствующей идентичностью, смирением и приспособлением к новой ситуации. Беспокойство и депрессия предшествующего этапа еще более повышаются, у безработного и всей его семьи резко снижаются уровни жизни и ожиданий. Поиск работы становится нерегулярным, без всякой надежды на ее получение. Все дни проходят как в летаргии, похожи один на другой, без праздников и выходных. Основным времяпровождением яв-

ляется сон. Наблюдается явный эскапизм, уход от социальных связей, телевидение становится основным источником информации и связи с внешним миром» [5, с.61]. То есть происходит маргинализация личности, а в контексте массовой безработицы – маргинализация общества. Ожидаемая работающими людьми пятница, а за ней и выходные не так важна для безработного, праздничные каникулы для него тоже ничего не значат. Он словно выбит из повседневной жизни. В жизни современного общества подобные феномены не редкость в силу перманентного финансового кризиса. В нашем обществе в 90-е годы ушедшего века подобная ситуация особенно явно наблюдалась в депрессивных городах (Жанатас, Кентау). Памятны массовые акции протеста рабочих. Прекрасно отражена проблема труда и безработицы в таких фильмах как «Солнечные понедельники», «Гуд-бай, Ленин!», «Холодные закуски», «Лихорадка субботнего вечера», «Делай как надо». Порой людей, ставших безработными, причисляют к тем, кто пал жертвой так называемого «синдрома безработного» (по аналогии с синдромом бродяжничества) – то есть в своей «безработности» человек виноват сам, и его надо лечить. Ссылаясь на Фейджина и Литтл, Полякова выделяет семь функций труда. Первая из них – труд есть источник «себя», идентичности. Благодаря труду человек находит свое место в социальной иерархии, он гарантирует чувство безопасности. Трудовая идентичность позволяет персонализировать себя перед другими. Во-вторых, труд позволяет расширить круг межличностного общения, коммуникация благодаря труду возможна не только в семье. Третья функция – труд «источник обязательной деятельности» [5, с.63]. В-четвертых, труд позволяет развивать свои профессиональные качества, творческие способности, позволяет быть в физическом, умственном, психологическом тонусе, за счет чего вырастает собственная значимость и самооценка. В-пятых, труд позволяет структурировать имеющееся время. Как ни парадоксально, но безработные люди порой не успевают сделать по дому той работы, которую они успевали делать, будучи работающими. Труд, таким образом, это еще и прекрасный тайм-менеджер. В-шестых, труд источник целеполагания. И как бы ни пел Шевчук о «труде, непонятном смысле своим», без него человек начинает ощущать себя беспомощным, никчемным. Наконец, труд есть источник дохода, зара-

батываемые средства позволяют ощущать себя независимым от пособий. Труд прочно вплетен в жизнь общества, пока общество немислимо без трудовых отношений. «Работа структурирует не только индивидуальную социальную жизнь человека, ее потеря ведет к болезни и социальной аномии, труд структурирует социальные пространство и время. Система производства и наемного труда является, по существу, главным фактором распределения социальных ролей; из них только не находят социальное признание, которое обусловлено местом в системе производства и распределения благ. Система производства формирует организацию пространства и времени. Жизнь человека делится на различные этапы социализации, активную жизнь и жизнь на пенсии. Отдых, день, неделя, год также подчинены ритму, задаваемому работой. Пространство, в котором живет индивид, оказывается столь же функционально расчлененным: место работы, дом, место отдыха. Отсутствие дома большей части населения в течение дня определяет среду обитания (спальные предместья, рабочие города) и организацию досуга (зрелищные мероприятия проводятся после окончания рабочего дня). Труд является организатором времени, общения с другими людьми. Труд продолжает оставаться фундаментальной человеческой ценностью» [5, с.63].

Тем не менее, существует и такая точка зрения, что труд перестал быть ценностью для общества. Она представлена контркультурным направлением и академическим направлением. В первом направлении (представители Рейч, Роззак) постулировалась идея о новом переосмыслении труда, а не просто о тотальном отрицании его как феномена общества. И переосмысление труда шло в контексте критики прочих институтов общества – семьи, образовательная система. Представители контркультурного течения критиковали имперсональный, отчужденный труд, который характерен для индустриального общества. Состояние условий труда не устраивало теоретиков контркультурного направления, отсутствие взаимосвязи между трудом, семьей и образованием. «В результате процесс становления личности происходит в совершенно разъединенных сферах: семье, жизнь которой зависит от доходов, услуг и других источников существования, внешних по отношению к ней; в образовании, главная цель которого – сформировать человека в соответствии с требованиями эконо-

мики; на работе, которая связана с семьей только зарплатой» [5, с.58]. И та форма труда, которая сформировалась во время зарождения капитализма, уже изжила себя, ибо она уже не отвечает запросам общества, которое встало на путь гуманизации. Работа должна способствовать развитию личностных качеств человека. Семья должна активно взаимодействовать с окружением (соседскими семьями), дабы не происходило того отчуждения, которое происходит в эпоху урбанизации, усиления индустриальной мощи – огромные спальные массивы, где порой семьи, живущие на одном этаже дома могут не знать друг друга. И образование должно не зависеть, насколько это возможно, от экономических и политических условий жизни общества. Ведь сейчас все больше наступает коммерциализация образования, когда академическая свобода умирает из-за того, что вся инициатива на проведение исследований сосредотачивается в руках крупных компаний. Труд должен повернуться «лицом» к человеку. «Работа – это необходимое условие человеческого существования, не выживания, а открытия Я в человеке. Однако для этого работа не должна быть фрагментарной, разорванной, как это наблюдается в высокоиндустриализованных обществах. Труд должен быть осмысленным, человек должен отвечать за свой труд и его результаты. Необходимо дать рабочим возможность самим адаптировать технику к своим навыкам и мастерству» [5, с.58].

Представитель академического направления К. Оффе делает вывод, что кризис трудовой этики наступил в силу изменения роли труда в жизни общества, перестав занимать главенствующее место, что труд постепенно становится не так важен. Факторы, способствующие отмиранию трудовой этики, следующие: кризис сферы труда, увеличение количества безработных, увеличение количества свободного времени у работников, усиливающееся несоответствие между полученным образованием и профессией. Как и отмечалось выше, образование не успевает гибко реагировать на изменения в трудовой сфере. Труд был бы ценностью лишь в случае, если бы он рассматривался как долг гражданина, или был бы продиктован вынужденной необходимостью (как это было в периоды коллективизации, индустриализации, войны, и не только в Казахстане, подобное наблюдалось и в США). Усиливающаяся тенденция автоматизации труда не способствует развитию трудовой этики.

«Эта рационализация производства приводит к деградации и дисквалификации труда, утере моральной заинтересованности в труде, рабочей гордости и общественного признания труда» [5, с.59]. Огромные налоговые ставки, идущие на выплату пособий по безработице, имеют оборотную сторону – у людей наступает отчуждение от результатов труда, а те, кто и раньше не работал, избирают себе статус безработного на всю жизнь (например, так поступают мигранты в развитых странах, отчасти оралманы поступают аналогично в Казахстане). Таким образом, хотя без труда не мыслима ни одна экономика, вопрос о переоценке его в силу объективных причин стоит на повестке дня в современном обществе [6], [7].

3. Профессионализм как основа трудовой деятельности

Близкой к труду является другая социальная ценность, особенно оцениваемая в информационную эпоху – профессионализм. Белорусские исследователи Вячеслав Бобрович и Виктор Чернов раскрывают ценность профессионализма, отмечая его огромное значение для стабилизации жизни общества, а также рассматривая его как закономерный итог эволюции общества, принятия новой морали, а также характеристики профессионализма как ценности для развитого, демократического общества. «Честь и достоинство человека опираются на развитое чувство профессионализма. Профессионализм – это особое качество человека, которое заключается в компетентном и эффективном выполнении сложной специализированной деятельности в соответствии с принятыми в обществе стандартами и другими объективными требованиями. В понятии «профессионализм» выражаются не только степень овладения человеком структурой сложной деятельности и систематическое достижение эффективных результатов, но и его особая, профессиональная мотивация, профессиональные устремления, ценностные ориентации» [8]. Как и во многих других странах, в Казахстане законодательно закреплена свобода на занятия художественным, научным и техническим творчеством. Также человек волен сам выбирать себе профессию. В традиционном обществе подобного быть не могло. Как мы знаем из истории, право и возможности на сколько-нибудь интеллектуальный труд были только у обеспеченных аристократов. Более того, за простолюдинами была закреплена определен-

ная профессия, переход в другую специальность был практически невозможен. Кастовое деление Индии, цеховая культура Европы тому пример. Деление на профессии и закреплённость за определенными профессиями встречаются в трудах Платона, аль-Фараби.

Относительная демократизация сферы труда и доступность образования позволяет людям быть хозяевами своей судьбы, и более человек не нуждается в наделе земли, выделенном общиной или феодалом, чтобы прокормиться. Работодатель «покупает» профессионализм. Люди, обладающие специальными знаниями, навыками формируют так называемый средний класс в обществе. «Он представляет собой явление исключительно современной цивилизации, которое возникает лишь ко второй половине XIX века. Средний класс является важнейшим фактором социально-политической стабилизации общества и как никто другой заинтересован в сохранении демократии, дающей ему возможность реализовать свои амбиции и таланты. Кроме того, средний класс разводит в стороны два противоположных класса – богатых и бедных – не давая им столкнуться. Чем многочисленнее средний класс, тем меньше вероятность революций общественных потрясений (бунтов, переворотов, восстаний, революций, гражданских войн и т.п.). Поэтому высокообразованный и профессионально компетентный, уверенный в себе и своем будущем средний класс составляет социальную опору демократии и гражданского общества» [8]. Именно на стимулирование профессионализма как ценности среди молодежи нужно бросить силы в казахстанском обществе, ведь средний класс не составляет и пятидесяти процентов от общего числа населения Казахстана. В формировании профессионализма большую роль сыграла протестантская этика, а также переход к рациональному управлению. Одной из преград на пути к культивированию профессионализма как ценности в Казахстане стоит высокий уровень коррупции, трайбализм, землячество. Даже сравнить функционирование аппарата набора на работу: в демократических системах набор находится в ведении специальных агентств, служб HR, кандидаты на равных условиях и правах проходят конкурсный отбор. Тогда как в странах с авторитарным режимом правления идет мощное лоббирование определенных лиц, порой не обладающих всеми профессиональными качествами. Тем не менее, с усилением информатизации

общества, все большим развитием науки и образования, со стороны работодателей усиливается интерес именно к компетентным в своей сфере специалистам. Усиливается роль интеллектуального, творческого труда, куда без определенных усилий при получении знаний (высшее образование плюс готовность постоянно повышать свой уровень) попасть практически невозможно. «В отличие от «старого среднего класса», состоящего преимущественно из мелких и средних предпринимателей, торговцев, фермеров, которые извлекают доход из своей материальной собственности, представители «нового среднего класса» получают доход благодаря своему образованию, квалификации, востребованным знаниям и интеллектуальным качествам. И именно эта особенность новых, преимущественно верхних, категорий среднего класса придает им высокую степень стабильности и независимости от государства и высшего класса, чувство уверенности в завтрашнем дне» [8].

4. Опасность «профессионализации» общества

Современному обществу характерно в силу утраты ценностей, присущих традиционному обществу, свойство быть легким на подъем; чтобы выжить, люди вынуждены более гибко относиться к переменам в области экономики, техники, науки, образовании. Данное свойство есть новая социальная ценность современного общества – склонность к риску; риск стал ценностью. Выдвигают целые концепции, так и называемые – общество риска. Под риском традиционно понимается как потенциально возможный вред в случае наступления или осуществления того или иного процесса. С риском сталкивается каждый человек в отдельности в своей повседневной жизни. Но в данном случае мы будем говорить о риске в большем масштабе. Риск теперь пронизывает теперь все сферы жизни общества, в силу того хотя бы, что экономика построена на риске. Существует новая специальность – риск-менеджер. Естественно, что риска хотят избежать или хотя бы приуменьшить эффект неблагоприятных последствий. Но в силу того, что конкуренция во всех сферах жизни (рынок труда; рынок услуг – что включает и образование, и культуру; рынок товаров) высока, не остается иного выбора, как идти на действия с высоким уровнем риска, просчитать его возможные последствия. «Иными словами,

риск трактуется как объективный и познаваемый факт (потенциальная опасность или уже причиненный вред), который может быть измерен независимо от социальных процессов и культурной среды» [9, с.1]. Общество само и является источником рисков или рискогенных ситуаций. Современные исследователи, проанализировав множество рисков, возникающих в обществе, пришли к выводу, что почти все сферы жизни несут в себе тот или иной риск; мы можем согласиться с древней мудростью, гласящей, что и лекарство в больших дозах яд. «Но дело заключалось не только в разнообразии рисков, их масштаба и направленности. Исторически широко известная и вполне тривиальная мысль о двойственности, двусмысленности всякого орудия, социального действия, организации наконец получила научный статус. Действительно, дубина, нож, автомат – одновременно инструменты креативной и разрушительной деятельности, защиты и нападения. Освободители на поверку часто оказываются завоевателями, защитники – агрессорами или оккупантами. Безопасность для одних превращается в опасность, риск для других. Сегодня существуют тысячи орудий, веществ, групп, официально имеющих статус двойного назначения. То же можно сказать и о социальных институтах, организациях, сообществах. Все или почти все может быть использовано как во благо, так и во вред. Более того, благое дело совсем не обязательно отзывается тем же. Напротив, оно зачастую порождает желание превратить даруемое благо в риск, в моральные или физические потери для благодетеля. Не зря родилось утверждение «Ни одно доброе дело не остается без наказания» [9, с.4]. В основе рисков современного общества лежит фактор глобализации. Крах мировой валюты ведет к экономическому кризису ряда стран, использование оружия массового поражения способно принести ущерб сразу нескольким странам; современные сверхэффективные, скоростные средства коммуникации могут пасть жертвой кибератак, что также может затронуть людей всего мира. Само существование столь динамично развивающихся образования и науки продуцирует риски. Генномодифицированные продукты питания, новые типы антибиотиков, новые виды гаджетов дают огромные возможности для современного общества. За счет них можно накормить большее количество людей на планете за сравнительно небольшое количество потраченных денег и

ресурсов, вылечить неизлечимые до сегодняшнего дня болезни, дать больше для дизайнеров, ученых, студентов. Но с другой стороны, до конца не ясен эффект всевозможных добавок, лекарств, технологий лечения. Исследования все еще идут. Одни эксперты говорят о вреде сотовых телефонов, другие говорят, что такие разговоры преждевременны. Но люди стали забывать последствия талидомидовой катастрофы. Можно действительно согласиться, что нынешний век – век неопределенности, где экспертам отведена роль поводырей общества. Одним экспертам доверяют больше, другим меньше. Без экспертов, могущих дать вам «расклад» о рисках, не возможно ни какая деятельность. Экспертное знание и эксперты существуют для всевозможных сфер жизни. Эксперты в студиях телешоу, блогах, газетах и научных площадках рассуждают о модерне, адронном коллайдере, пенсионной системе, хиджабах. Риск, помимо того что он ценность, уже и становится и антиценностью. Ведь прежде чем общество успеет отреагировать, риск уже проникнет в него. Пока наука, корпус всевозможных экспертов проведут исследование, создадут метод борьбы или примут решения о запрете, а общество начнет выполнять их инструкции, последствия могут сокрушительные для общества. Примером тому могут послужить лекарства (тот же талидомид), техника и так далее.

Социальное равенство важнее всего?

Безусловно, к достижению социального равенства стремятся почти все страны. Социальное равенство прописано почти во всех политических платформах кандидатов в президенты, партий, движений. Наиболее известные современные работы, посвященные социальному равенству, принадлежат Ролзу, Дворкину, Нозик. «Многие рассматривают либеральный эгалитаризм как философское обоснование послевоенного либерально-демократического государства благосостояния. Действительно, эта связь с государством благосостояния помогает объяснить удивительную влияние политических теорий либерального эгалитаризма. В 1950-1960-е годы в большинстве западных демократий имело место существенное расширение государства благосостояния, но тогда не было серьезной политической философии, способной осмыслить этот феномен» [10, с.126]. По мнению Кимлика, до того, как Ролз представил свои мысли по по-

воду социального равенства, государство благосостояния (то государство, которое способно достичь социального равенства) способно было примирить разные точки зрения на распределение доходов. С одной стороны, либертарианцы провозглашают идеал свободы, поэтому их идеалы – свободный рынок и честная конкуренция. С другой стороны, марксисты верят в идеал равенства и разрабатывают теорию государственного планирования экономики и активного участия государства в экономической жизни общества. И между этими враждующими лагерями либералы пытались выработать компромиссное решение, объединяющее и свободу и равенство. Ролз и Дворкин представили свою модель государства благосостояния. Допускаются некоторые неравенства экономического характера. Дело в том, что если отдельные субъекты имеют больше экономических свобод, или вообще вырываются вперед по уровню доходов, то все это играет для установления большей идеи равенства. Мы можем поэтому одобрить политику либералов, ведь именно их политический курс позволяет достичь максимально полного функционирования такой ценности как социальное равенство. Ведь чистая рыночная экономика, равно как и чистая плановая экономика показали себя не эффективными. Смешанная экономика гораздо эффективнее, необходимы и определенная свобода, и контроль государства. Таким образом, суть социального равенства – это обеспечение максимально равного социального старта. «Прежде всего либеральное равенство требует, чтобы каждый человек начинал свою жизнь, имея равную с другими долю общественных ресурсов, и меры, необходимые для достижения этого, выходят далеко за рамки традиционных подходов государства благосостояния. Как мы видели, государство благосостояния в первую очередь заботится об исправлении *post factum* порожденного рынком неравенства с помощью налогов и схем перераспределения» [10, с.127]. Социальное равенство может быть представлено двумя вариациями. Первая – это капиталистическое государство благосостояния, допускающее классовое неравенство при распределении физического и человеческого капитала, а порождаемое этим неравенство в прибыли пытающееся уменьшить за счет налоговых ставок. Вторая – собственническая демократия, прилагающая усилия по сокращению неравенства при распределении богатств и к большему равенству инвестиций

в человеческий капитал. На практике, конечно, достичь социального равенства сложно. «Более того, всё увеличивались свидетельства того, что государство всеобщего благосостояния не так успешно, как полагали или надеялись. Конечно, некоторые программы социального обеспечения хорошо сработали. Государственные пенсии во многих странах в основном ликвидировали проблему бедности среди людей старшего поколения. Однако другие программы, предназначенные для того, чтобы способствовать равенству, часто либо увековечивали зависимость и стигматизацию бедных (например, «ловушка бедности», созданная выплатой пособий в соответствии с уровнем доходов), либо были непропорционально выгодны обеспеченным (например, всеобщее образование и медицинское обслуживание). Более того, «новая экономика», по-видимому, порождает всё большее неравенство в рыночных доходах: разрыв между доходами администраторов и рабочих, или получивших и не получивших высшее образование постоянно увеличивается. Распространено описание, что многочисленные слои населения будут просто исключены из этой новой экономики,

основанной на знаниях. Короче говоря, необходимость в активной государственной политике, направленной на преодоление неравенства в человеческих способностях и доходах, становится всё больше, но многие либеральные эгалитаристы чувствуют все меньше и меньше уверенности в способности государства всеобщего благосостояния осуществить это» [10, с.131-132]. В развитых странах буржуа давно возмущаются непомерно высокой налоговой ставкой, мотивируя нежелание платить огромные налоги тем, что они пойдут на обеспечение иммигрантов, которые в скором времени будут обеспечивать основной костяк электората. Пример с Депардье уже стал хрестоматийным. Актуален для нашего общества в этой связи пример с декретными отчислениями. Обеспечение одинакового старта весьма и весьма сложная на практике вещь, даже при одинаковой системе образования, здравоохранения абсолютно каждый индивид мог появиться на свет в деревне или городе, в полной или неполной семье и так далее. Сложно даже эффективно распределить ресурсы страны. Социальное равенство как ценность будет всегда существовать, пока существует общество.

Литература

- 1 Berger P., Luckman T. The Social Construction of Reality. – London, 1971. – 113 p.
- 2 Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / Пер. с англ. В. В. Сапова / Под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
- 3 Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting, Daniel Bell. New York: Basic Books, 1973
- 4 Тоффлер, Э. Революционное богатство / Элвин Тоффлер, Хейди Тоффлер. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. — 569, [1] с. – (Philosophy).
- 5 Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. – М.: Наука, 1990. – 132 с.
- 6 Wallerstein I. Democracy, Capitalism, and Transformation. Documenta 11, Vienna, March 16, 2001
- 7 Wallerstein I. The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999
- 8 [http:// http://nmnby.eu/news/analytics/2024.html](http://nmnby.eu/news/analytics/2024.html)
- 9 Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. №1.
- 10 Кимлика У. Современная политическая философия: введение. – Пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 592 с. – (Политическая теория).

References

- 1 Berger P., Luckman T. The Social Construction of Reality. London, 1971. –113 p.
- 2 Berger P., Hantington S. Mnogolikaja globalizacija: Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire / Per. s angl. V. V. Sapova / pod red. M. M. Lebedevoj. — М.: Aspekt Press, 2004. – 379 s.

- 3 Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting, Daniel Bell. New York: Basic Books, 1973
- 4 Toffler, Je. Revoljucionnoe bogatstvo / Jelvin Toffler, Hejdi Toffler. – M.: ACT: ACT Moskva, 2008. – 569, [1] s. – (Philosophy).
- 5 Poljakova N.L. Ot trudovogo obshhestva k informacionnomu: zapadnaja sociologija ob izmenenii social'noj roli truda. – M.: Nauka, 1990. – 132 s.
- 6 Wallerstein I. Democracy, Capitalism, and Transformation. Documenta 11, Vienna, March 16, 2001
- 7 Wallerstein I. The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999
- 8 [http:// http://nmnby.eu/news/analytics/2024.html](http://nmnby.eu/news/analytics/2024.html)
- 9 Janickij O.N. Sociologija riska: kljuचेvye idei // Mir Rossii. 2003. №1.
- 10 Kimlika U. Sovremennaja politicheskaja filosofija: vvedenie. – Per. s angl. S. Moiseeva; Gos. un-t – Vysshaja shkola jekonomiki. – M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshej shkoly jekonomiki, 2010. – 592 s. – (Politicheskaja teorija).